

Вэй Чжао протянул котелок слуге: — Суп уже остыл, подогрей на огне.

— Слушаюсь, — Юй Си принял угощение и поспешил на кухню.

Доктор Сюй уже спал, специально оставив Юй Си дежурить у ворот, чтобы тот дождался Вэй Чжао. Юноша не стал тревожить сон лекаря и направился напрямиком в комнату Цин Яо. Девушка уже окрепла настолько, что могла сидеть в постели, опираясь на подушки.

— Хорошо ли Юй Си приглядывает за тобой? — спросил Вэй Чжао.

Цин Яо кивнула: — Вполне. Он расторопный, ловит каждое слово и делает всё на совесть. Один раз скажешь — и он уже запомнил, ни в чём не ошибается. Почему ты сегодня так поздно? Что-то случилось?

— Дела службы, — уклончиво ответил Вэй Чжао. — Не бери в голову, тебе нужно сосредоточиться на выздоровлении.

— Если будешь задерживаться, не приноси мне суп так поздно, — мягко проговорила Цин Яо. — Тебе самому нужен отдых, ведь ты тоже не отличаешься крепким здоровьем. Похолодало... Береги старую рану на левой руке, не прикасайся к ледяной воде.

Вэй Чжао мельком взглянул на своё запястье. — В последнее время она не беспокоит, так что всё в порядке.

Цин Яо вздохнула, в её глазах промелькнула тень воспоминаний. — В детстве ты был таким крепким... Помню, как-то выдалась особенно лютая зима. Я вскользь пожаловалась, что никак не могу согреться под одеялом, так ты тайком прокрался в мою комнату и своим телом грел мне постель... Я-то сперва подумала — привидение завелось, всю ночь глаз не смыкала от страха.

Вэй Чжао негромко рассмеялся: — Глупый был, не понимал ничего. Не стоит больше подшучивать над этим, сестра.

Ему не хотелось беречь прошлое — старые воспоминания лишь навевали ненужную печаль. Поднявшись, он направился к выходу: — Отдыхай. Завтра я снова загляну.

Покинув лекаря, Вэй Чжао вернулся в поместье Вэй. На кухне для него оставили горячую воду; умывшись, он ушёл в свою комнату. Стоило ему забраться под одеяло, как он

почувствовал приятное тепло. Проведя рукой, он обнаружил несколько грелок, наполненных горячей водой.

Юноша долго смотрел на них, и на его губах заиграла горькая, едва заметная усмешка.

На следующее утро Вэй Чжао, как обычно, рано прибыл в Храм Великой Справедливости. Хотя в эти дни чиновникам Далисы было позволено не являться на утренний доклад к императору, это не означало, что можно было отлынивать от дел.

Лянь Синь тоже пришёл пораньше. Он уже стоял у ворот, распекая стражников: — Как вы вообще смотрите?! Каким образом сюда проскочила собака? Вам доверили охранять вход, а вы даже за бродячим псом уследить не в состоянии!

— Собака? — переспросил Вэй Чжао, подходя ближе. — Где она?

— Я её не видел, — проворчал Лянь Синь, — но слуги, что убирались в залах, говорят — под столом лужа. Точно дикий пёс нагадил!

Вэй Чжао на мгновение лишился дара речи.

«Вчера я совсем забыл прибраться...»

— Да не заходил сюда никакой пёс! — обиженно пробормотал один из стражников. — Я каждого входящего и выходящего в лицо знаю, как бы я собаку проглядел?

— Значит, спал на посту! — отрезал Лянь Синь, не желая слушать оправданий.

Вскоре прибыл Се Сяолинь. Он поручил Вэй Чжао и Лянь Синю отправиться в Зал Ясного Сияния, чтобы переговорить с Тан Цзыгэ по поводу найденной улики.

Лянь Синь заметно занервничал: — Там же полно мастеров Цзянху. А если мы им слово поперёк скажем, и они нас прирежут?

— Не бойся, — успокоил его Вэй Чжао. — Они не посмеют поднять руку на имперских чиновников. Стоит пролиться крови государевых людей, и Минхуэйтан сотрут с лица земли. В конце концов, они подданные государства Цинъань и не могут творить беззаконие вечно.

Однако, когда они достигли ворот просторной усадьбы, где располагался Минхуэйтан, Лянь Синь снова попытался дать попятную. Глядя на его испуганный вид, Вэй Чжао вздохнул: —

Если так боишься, я пойду один.

Лянь Синь стиснул зубы и выпрямился: — Нет, я с тобой. Негоже бросать товарища в беде.

Собравшись с духом, он последовал за Вэй Чжао внутрь. Они объяснили привратнику цель визита. Тот лишь смерил их пренебрежительным взглядом: — Нашего главы нет дома. Приходите в другой раз, господа чиновники.

Не успел он договорить, как из глубины двора донёлся встревоженный мужской голос: — Глава, так дела не делаются!

Привратник осёкся и густо покраснел. Вэй Чжао, не обращая на него внимания, решительно направился на голос. Лянь Синь, наградив охранника торжествующим взглядом, поспешил следом.

— Глава Тан! — звонко окликнул Вэй Чжао. — Мы из Храма Великой Справедливости. Ведём следствие по делу об убийстве министра наказаний и имеем к вам несколько вопросов.

Впереди, у невысоких ворот, стоял человек спиной к ним и о чём-то беседовал с подчинённым. Услышав окрик, он жестом отпустил собеседника и негромко рассмеялся: — Сладости? Какие ещё сладости? Я не по этой части, господин чиновник. Вы, должно быть, обознались.

Он неспешно обернулся, с лёгкой улыбкой глядя на Вэй Чжао. Но стоило его взору упасть на Лянь Синя, как в глазах промелькнуло изумление: — Ой, и вы здесь!

Мужчина был невысокого роста, но обладал на редкость изящной, почти женственной красотой. Когда он улыбался, его глаза превращались в лукавые полумесяцы.

Лянь Синя словно громом поразило. Он округлил глаза и, дрожащим пальцем указывая на Тан Цзыгэ, выпалил: — Ты... ты та девица в фиолетовом... из того вечера... Ты! Верни мои деньги, обманщик!

Вэй Чжао при первой же секунде лицо главы показалось знакомым, а присмотревшись, он понял — черты лица в точности повторяли облик той танцовщицы из «Счастливой судьбы».

Глава Тан расплылся в улыбке: — Похоже, вчерашняя ночь оставила у господина чиновника неизгладимые впечатления. Признаться, я и сам не могу вас забыть и всё гадал, когда же мы снова проведём время вдвоём.

— Ты... ты... гнусный лжец! — Лянь Синь едва не плакал от ярости. — Ты совсем с ума сошёл? Взрослый мужик, а напялил бабье тряпье, чтобы честных людей грабить! Неужели вашему залу так не хватает денег?

Собеседник хмыкнул: — С деньгами у нас порядок, но кто же откажется от серебра, которое само идёт в руки, верно?

— Да зачем тебе, главе целого клана, понадобилось плясать в таверне?! — Лянь Синь едва не задыхался.

— Ну как же, это моё собственное заведение, — весело отозвался Тан Цзыгэ. — Зачем нанимать танцовщиц со стороны, когда можно сэкономить и выступить самому?

— А... а женщиной зачем притворяться?!

— А на мужика ты бы стал смотреть?

— Ни за что!

— Вот поэтому и пришлось наряжаться!

Вэй Чжао, выслушав этот абсурдный спор, решил вернуть беседу в деловое русло: — Глава Тан, прошу вернуть нам улику, которую Сяо Люцзы подобрал на месте преступления. Эта вещь жизненно важна для следствия, и я обязан забрать её.

Тот невинно захлопал ресницами: — Улика? Какая ещё улика? Я ничего не брал! Этот Сяо Люцзы — тот ещё пройдоха, наверняка украл что-то, продал, а теперь решил свалить вину на меня, безвинного. Вы его ещё разок допросите с пристрастием, он и расскажет правду. А если не поможет — прирежьте его, мне-то что.

Вэй Чжао холодно усмехнулся: — Прежде чем прийти сюда, я допросил нескольких ваших людей. Все они подтвердили, что глава лично разыскивает драгоценные цветы. Как вы это объясните?

Он в упор посмотрел в глаза Тан Цзыгэ: — Зачем вам эти цветы? Не вы ли совершили убийство?

Тан Цзыгэ испуганно замахал руками: — Ой, не надо так шутить! Обвинять меня в убийстве сановника второго ранга? Вы меня в могилу свести хотите!

Он с усмешкой глянул на Лянь Синя: — Ты ведь подтвердишь моё алиби? Когда того чиновника прирезали, я как раз был с тобой...

Лянь Синь покраснел до корней волос: — Замолчи!

Вэй Чжао перешёл на строгий тон: — Глава Тан, Храм Великой Справедливости не отступится, пока не получит эту вещь. Вы понимаете, что убит высокопоставленный чиновник. Государь лично следит за делом и требует результатов. Если вы не отдадите улику, Далисы перевернёт здесь каждый камень.

Тан Цзыгэ вскинул брови: — И что же вы сделаете, если не отдам?

Вэй Чжао неторопливо произнёс: — Наш нынешний император — человек не из терпеливых. Ему нет дела до ваших законов Цзянху. И я подозреваю... если вы его разозлите, он просто прикажет Страже Имперского города сравнять это место с землёй.

Глава Тан надолго замолчал, а затем обиженно протянул: — Как грубо! Вы просто издеваетесь надо мной!

Он робко потянул Лянь Синя за рукав: — Скажи ему что-нибудь.

— Да что я могу?! — вспыхнул тот. — И вообще... с чего это я должен тебе помогать?

Он поспешно отступил на два шага: — Не трогай меня, отойди!

Тан Цзыгэ скрестил руки на груди и, склонив голову, задумался. Наконец он заговорил: — Ладно, я отдам вам цветок. Но при одном условии: если вы что-то разузнаете, вы должны рассказать мне.

Вэй Чжао нахмурился: — Почему вы так печётесь об этом деле? И зачем искали цветы ещё до того, как совершилось это убийство? Вы знали, что министра убьют? Или... этот цветок появляется уже не впервые? И это не просто месть одному человеку?

Тот на миг замер, поражённый догадкой юноши. — Я не знал, что его убьют. Если бы знал — он остался бы жив.

— Значит, таких цветов не один... а несколько, — задумчиво произнёс Вэй Чжао. — Как минимум три. Три жизни. Если бы подобное случилось лишь однажды, вы бы не придали этому такого значения. Должно быть, убийства случались уже дважды, и вы поняли, что будет следующий драгоценный цветок.

Глава Тан оцепенел на мгновение, а затем весело рассмеялся, обнажив острые клычки: — Не зря говорят — лучший выпускник академии. Господин Вэй на редкость проницателен. Раз уж вы всё поняли, я готов к сотрудничеству. Мастера Цзянху не жалуют власти, но вы — другой случай. Быть может, именно вы станете ключом к разгадке.

Его лицо внезапно стало серьёзным: — Но когда убийца будет пойман, отдайте его мне. Я хочу содрать с него кожу заживо, и вы не должны мне мешать.

Вэй Чжао покачал головой: — Я не вправе обещать такое, нужно спросить министра Се. Но если этот человек заслуживает смерти, я не вижу причин, почему бы вам не стать его палачом.

— Следуйте за мной, — бросил Тан Цзыгэ.

Вся его шутливость исчезла, уступив место властности истинного главы клана. Он повёл Вэй Чжао и Лянь Синя во внутренние покои. Манипулируя скрытым механизмом на стене, он заставил часть панели отойти в сторону, открывая тайник. Достав оттуда изящную шкатулку, он поставил её на стол.

Крышка откинулась, и взорам предстали три драгоценных цветка. Оранжевый, жёлтый и зелёный. В лучах солнца, пробивающихся сквозь окно, они сияли холодным, завораживающим светом.

Вэй Чжао поднял взгляд на собеседника: — Должно быть... жертв не три.

Глава Тан кивнул: — Скорее всего, четыре. Об одной я ничего не знаю. Остальные двое были моими братьями из Минхуэйтана. Я хотел сам найти убийцу и отомстить, но след простыл. Надеюсь, я не ошибся, выбрав вас в союзники.

Лянь Синь, до этого стоявший в стороне, зашумел: — Почему четыре-то? Вэй Чжао, ты что, опять что-то от меня скрываешь? О чём я не знаю?

Тан Цзыгэ наградил его снисходительной улыбкой: — Всё очень просто, глупыш. Убийца следует цветам небесной радуги. Рядом с телами он оставляет цветы соответствующего окраса. Первый должен быть красным, затем оранжевый, жёлтый и, наконец, наш — зелёный. Разве это не очевидно?

— И... и правда всё так просто?

— Разумеется, бестолочь.

— Кого это ты назвал бестолочью?!

Услышав это слово, Лянь Синь внезапно вспомнил тот вечер, когда Система назвала его «глупцом». И ведь рядом тогда стоял тот самый прохожий — переодетый император.

«Конец мне... Государь тоже считает меня дураком. Прощай, карьера...»